

С. М. Соловьёв

**История России с
древнейших времен. Том 15**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С. М. Соловьёв
С11 История России с древнейших времен. Том 15 / С. М. Соловьёв – М.: Книга по Требованию, 2021. – 444 с.

ISBN 978-5-4241-1627-8

"История России с древнейших времен", созданная знаменитым историком Сергеем Михайловичем Соловьёвым (1820-1879), не имеет себе равных в отечественной науке. Этот труд стал невиданным событием в российском обществе, явлением истинно мирового масштаба. На создание этого колоссального произведения ученый затратил долгих 30 лет неустанной ежедневной работы. И до сих пор никто не смог затмить славы С. М. Соловьёва, никто не сумел повторить его гражданский подвиг: так тщательно, детально, подробно изучить события отечественной истории, а главное, показать их внутреннюю логику и связь, их причины и следствия, так ясно изложить факты, так подробно исследовать явления российской жизни. И пусть страницы этой книги шаг за шагом ведут читателя по пути, когда-то начертанному для себя ее автором: "Выучиться самому, чтобы дать средство другим знать основательно свою историю"

ISBN 978-5-4241-1627-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© С. М. Соловьёв, 2021

Сергей Михайлович Соловьев
«История России с древнейших
времен»
Книга VIII. 1703 — начало 20-х
годов XVIII века

Пятнадцатый том

Глава первая

Царствование Петра I Алексеевича

Строение судов для Балтийского моря. — Борьба с шведами за Петербург. — Отобрание у шведов старых русских городов. — Опустошение Эстонии. — Взятие Дерпта и Нарвы. — Шведы отражены от Петербурга. — Сношения с Польшею. — Паткуль в русской службе; его деятельность. — Русские вспомогательные войска под начальством Паткуля. — Отношения Паткуля к малороссийским козакам. — Окончание деятельности Палея. — Сношения с венским двором. — Паткуль в Вене. — Деятельность Матвеева в Голландии. — Постников в Париже. — Французский посланник Балюз в России. — Матвеев в Париже. — Сношения с Турциею. — Деятельность Петра Толстого в Константинополе.

В невских устьях спешили строить городок — морское пристанище для иностранных судов, но строитель не хотел, чтоб этот новый городок, его тезка, похож был на старый Архангельск, где виднелись только иностранные корабли: на берегах Свири кипела сильная работа, в нетронутых до сих пор лесах ронили громадные деревья и на новой верфи, в Лодейном Поле, строили морские военные суда. Но враги не отдадут без боя Балтийского моря. На невских устьях строят русский городок, а подле них все лето 1703 года стоят 9 шведских кораблей, и нечем отразить их: русские корабли еще только строятся на Свири. Другое дело на сухом пути: здесь можно померяться с шведом, который покинут своим королем и может выставить для борьбы только небольшие отряды. К реке Сестре подошел шведский генерал Кронгиорт; сам Петр в начале июля пошел на него с четырьмя конными полками: «Бой начат и счастливо совершен, неприятель прогнан, и zelo много его порубили, понеже солдаты брать живьем его не хотели». С берегов Сестры Петр отправился в Лодейное Поле спускать суда. А между тем наступила осень. Меншиков с русскими людьми впервые познакомился тут с петербургским октябрем: солнца давно уже нет, страшный ветер и дождь целый день. Тяжко стало Меншикову; он зовет Петра, пишет ему с обычными шутками: «Но ведаем, для чего так замешкались; разве за тем медление чинится, что ренского у вас, ведаем, есть бочек с десять и больше, и потому мним, что, бочки испраздня, хотели сюда приехать, или которые из них рассохлись, замачиваете и размачиваете. О сем сожалеем, что нас при том не случилось». Но после шуток Меншиков сообщает важное известие: шведские корабли, за осенним временем, отошли от невского устья.

Петр в Петербурге. На Неве уже плавает лед, но царь в море, около Котлина-острова меряет морскую глубину: здесь будут укрепления, оборона Петербургу. В ноябре явился в устье Невы первый иностранный купеческий корабль с солью и вином; губернатор Меншиков угостил шкипера и подарил ему 500 золотых, каждому матросу дано по 30 талеров.

В то время когда Петр пробрался к невшскому устью и начал строить здесь новый городок, войска его забирали старые русские города, которые швед завел

за себя. В конце мая Шереметев начал обстреливать Копорье, и крепость сда-лась. «Музыка твоя, — писал Шереметев царю, — хорошо играет: шведы гораз-ды танцевать и фортеции отдавать, а если бы не бомбы, бог знает, что бы де-лать!» Сдались и Ямы, или Ямбург, и царь велел укрепить его. «Итак, при помо-щи божией, Ингрия в руках. Дай боже доброе окончание!» — писал Петр Шере-метев, доканчивая в июле укрепления Ямбурга, писал уже о зимованье в Ингрии, но Петр отвечал ему: «Когда город совершится, лучше, чтоб вам некакой подход отправить, и, о том разведав, изволь писать, сыскав, например, способа два, три, а мы также на те способы дадим совет, который будет удобнее». Чтoб помочь Шереметеву сыскать способы, Петр отправил к нему в Ямбург Меншикова. Способ был сыскан, и в конце августа Шереметев переправился за Нарову, пошел гостить в Эстонии таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: казаки, татары, калмыки, башкирцы, и гостили по-преж-нему. Шлиппенбах бежал без оглядки. 5 сентября Шереметев вошел беспрепят-ственно в Везенберг, знаменитый в древней русской истории Раковор, и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии. В конце сентября Борис Петрович возвратился домой из гостей: скота и лошадей, по его объявлению, было взято вдвое против прошлого года, но чухон меньше, потому что вести было трудно.

У Финского залива в новорожденной столице строили укрепления, поджидая шведа; в старой Москве строили триумфальные ворота, в которые должен был въехать царь после покорения Ингрии. Петр не зажился в Москве: взоры его были постоянно обращены и на запад, и на восток; пробыв лето близ берегов Балтийского моря, зимою он поехал в Воронеж, но, занимаясь здесь Азовским флотом, который должен был сдерживать турок, царь не забывал неевского устья, и Меншиков, оставившийся зимовать в Петербурге как губернатор, получил от него собственноручную модель крепости, которую должно было соорудить на море для безопасности нового городка.

Наступила весна 1704 года. Петр был в Петербурге; надобно было защищать этот дорогой городок, но Петр не хотел ограничиться одною оборонительною войною. Куда же наступать? В Ливонии и Эстонии опустошать было нечего более, но были там две сильные крепости, утверждение в которых было делом первой важности для России на случай, когда Карл XII обратит против нее свои главные силы: то были Дерпт и Нарва. Надобно было спешить их покорением, пока «швед увяз в Польше», по выражению Петра. 30 апреля Шереметев получил приказание от царя двинуться для осады Дерпта. 5 мая Шереметев дал знать, что генерал фон Верден взял на реке Эмбахе 13 шведских судов, пливших в Чудское озеро. Петр «с превеликою радостью принял известие о пресчастливой победе в неча-янном случае» и подтвердил Шереметеву приказание «идти и осадить конечно Дерпт, чтоб сего богом данного случая не пропустить, который после найти будет нельзя». У Шереметева сборы шли медленно; Петр торопил: «Немедленно из-вольте осадить Дерпт, и зачем мешкаете, не знаю. Еще повторяя, пишу, не из-вольте медлить». Шереметев оправдывался в своей медленности тем, что стал здоров не по-старому, что один, ни от кого помощи не имеет: «Легко мне было жить при тебе да при Данилыче (Меншикове): ничего я за милостию вашею не знал»

В начале июня Шереметев подошел к Дерпту и начал осадные работы. Осада затянулась. Для ускорения дела 2 июля явился под Дерпт сам царь и на третий день писал Меншикову: «Здесь обрели мы людей в добром порядке, но кроме дела, ибо две апроши с батареями принуждены бросить за их неудобством, третью переделать, и, просто сказать, кроме заречной батареи и Балковых шанец (которые недавно пред приездом нашим зачаты), все негодно, и туне людей мучили. Когда я спрашивал их: для чего так? то друг на друга (т.е. вину складывали), а больше на первого (т.е. Шереметева), который столько же знает. Инженер человек добрый, но zelo смиренный, для того ему здесь мало места. Здешние господа zelo себя берегут, уже кажется и над меру, но я принужден сию их Сатурнову дальность в Меркуриусов круг подвинуть. Zelo жаль, что уже 2000 бомбов выметано беспутно. Брешь, чаю, зачем кончае по четырех днях, zelo в изрядном месте, где мур только указу дожидается, куда упасть, а с прочих мест zelo укреплен. Боже! помози немедленно окончить. Однако ж, как сам можешь знать, надлежит от 10 до 7 дней оному продолжену бытъ. Здесь ничто мне (не) в пользу, токмо что люди, которые, слава господу богу, zelo бодры и учреждены, и число их вящше 20000».

После упорной битвы, происходившей у палисада всю ночь на 13 июля, когда русские уже готовы были ворваться в город, комендант затрубил к сдаче. «Итак, с божию помощию, сим нечаемым случаем, сей славный отечественный град паки получен», — писал Петр к своим.

В то время как Шереметев осаждал Дерпт, другое русское войско стояло у Нарвы под начальством фельдмаршала Огильви, приговоренного в русскую службу Паткулем в Вене на три года. По взятии Дерпта царь отправился под Нарву. 9 августа был назначен штурм. Несмотря на упорное сопротивление шведского гарнизона, русские ворвались в город и произвели в нем страшную резню без пощады женщинам и детям. Через два часа после штурма въехал в Нарву сам Петр с Огильви и велел прекратить грабеж, причем, говорят, заколол шпагою одного солдата, не хотевшего слушаться приказания, и потом, показывая свою окровавленную шпагу нарвским жителям, говорил: «Не бойтесь! Это не шведская, а русская кровь». По обычаю, пошли письма от царя к своим о взятии Нарвы: «Где перед четырьмя леты господь оскорбил, тут ныне веселыми победителями учинил, ибо сию преславную крепость чрез лестницы шпагою в три четверти часа получили». 16 августа сдался Иван-город.

В то самое время, как Петр шпагою брал старые отечественные грады, новый его городок Петербург должен был отбиваться от шведов. 12 июня 1704 года на Выборгской стороне явилось шведское войско под начальством генерала Майделя и начало стрелять в Петропавловскую крепость; комендант ее Роман Брюс отстреливался удачно, и Майдель счел за лучшее отступить. С другой стороны, так же неудачно окончилось покушение шведского флота овладеть Кроншлотом.

Счастливый 1704 год был дожит царем в Москве. В старой столице праздновали взятие старых отечественных городов. В семь триумфальных ворот входили победители с знатнейшими пленниками и пушками, отбитыми у неприятеля. В феврале 1705 года Петр уехал в Воронеж к кораблям, а между тем уже делалось приготовление к новому походу на западе. Куда же будет этот поход? До сих пор Петр пользовался временем, пока «швед увяз в Польше», овладел Ингрию, основал корабельное пристанище в устьях Невы, взял Дерпт и Нарву, опустошил

вконец Ливонию и Эстонию. Цель войны была достигнута, больше ничего не хотелось получить от шведа. Захочет швед мириться, больше ничего от него не потребуется, в крайности можно будет отдать ему и Дерпт и Нарву, удержав только драгоценный Петербург; не захочет швед уступить ничего, захочет все отвоевать, трудна будет ему война в опустошенной стране, пусть стоит под крепостями; в четыре года Петр достиг того, что люди его были бодры и учреждены, с такими людьми была надежда отбиться от шведа. Но всего важнее было, чтоб швед как можно долее увяз в Польше; для этого нужно было помочь полякам.

В начале XVIII века, как и прежде, главное внимание русского правительства в сношениях его с Польшею было обращено на положение русского православного народонаселения в польских владениях. 8 марта 1700 года русский резидент в Польше стольник Судейкин получил царскую грамоту: «В девятой статье мирного договора сказано, что людям благочестивой греко-русской веры в Короне Польской и Вел. княж. Литовском никакого утеснения к вере римской и к унию принуждения быть не должно: а ныне к нам, великому государю, донесено, что православных людей в Литве бискупы и езуиты и доминиканы и прежние униаты и шляхта разоряют, в унию насильно приводят и бьют, монастыри и церкви отнимают, а именно, недавно в Пинском повете монастырь Цеперский, принадлежащий виленскому братству св. духа, отнял насильно и в унию отдал князь несвижский Радзивил, канцлер Вел. княж. Литовского, и приобщил ко владениям митрополита униатского Зеленского; а в воеводстве Минском новопромышленную злобу те же гонители умерших православных христиан по древнему обыкновению хоронить не дают, и такого злобного и мирному договору противного гонения на православных, как ныне в стороне королевского величества чинится, никогда не бывало, что нам, великому государю, удивительно и болезненно показалось слышать. И ты бы королевскому величеству, сенаторам, канцлерам и иных чинов ближним людям говорил, чтоб королевское величество, по должности договоров вечного мира, приказал монастырь Цеперский возвратить по-прежнему православному виленскому братству сошествия св. духа, и православных христиан в унию не обращать, и умерших хоронить по древнему обыкновению, и впредь на такое неистовство дерзать приказал жестокими указами. А если сенаторы станут тебя спрашивать, кто именно нам жаловался, то отвечай, что имен этих людей объявить невозможно, чтоб им за то и пушнего разорения не учинилось».

Сенаторы пропели резиденту старую песню, что у них насильно в католическую веру никого никогда не обращают, а если кто добровольно обратится, принимают. «Какое же это добровольное обращение, когда обращенные жалуются царскому величеству на насилия?» — возразил резидент. Сенаторы отвечали, что ничего не знают о поступке Радзивила, однако указ королевский о том к нему пошлют.

12 мая, в воскресенье, у резидента на дворе были в церкви у обедни люди благочестивой веры — Бельского монастыря игумен Сильвестр Троицевич с дяконом и церковным причетником да львовцы, три человека; после обедни пришли они в светлицу к резиденту и говорили, что им и прочим благочестивым греко-российской веры людям от бискупов, езуитов, доминиканов и униатов гонения и всякое утеснение великое, грозят непрестанно, и ныне последнюю

Львовскую епископию нудят в унию, и львовский епископ Иосиф Шумлянский приехал теперь в Варшаву для того, чтоб к униии приступить и шляхту, и мещан, и русских в то же соединение привести: однако они, сколько их мочи будет, никогда добровольно в униии быть не желают. Несмотря на договоры вечного мира, гонят здесь благочестие без всякого опасения, мирским благочестивой веры людям всякое ненавидение творят, церквей не только вновь строить и древних починивать заказано. Резидент говорил им, чтоб они все это дали на письме, а он донесет великому государю чрез почту, но они отвечали, что на письмо дать невозможно, потому что сильно боятся католиков. Тогда резидент приказал одному христианину написать ту их *леряцию* тайно и обнадежил их, что имена их и прозвища никогда не откроются.

23 мая приехали к резиденту архимандрит Дионисий Жебокрицкий, номинат (назначенный) епископии Луцкой, игумены Почаевского монастыря — Иосиф Исаев, Бельского — Сильвестр Тройцевич и объявили, что Шумлянский в униию приступили теперь благочестивым людям горшее прежнего чинится гонение и к униии принуждение, а за них, кроме благочестивейшего монарха царского величества, стоять иным некому, и во всем имеют они надежду на милостивое охранение, заступление и праведное признание царского величества. Резидент обнадеживал их и в удостоверение, как царь заботится о православии, показал грамоту к королю по поводу Цеперского монастыря. Вследствие отъезда королевского из Варшавы выехал оттуда за ним и резидент. Только что приехал он в Вильну 11 июля, пришли к нему игумен Духова монастыря Исакий с братиею и мирские люди благочестивой веры и говорили с великим плачем, что им здесь чинится от иезуитов великое гонение, иные и теперь сидят в тюрьме на цепях для принуждения к униии. Православные просили резидента, чтоб он постарался как-нибудь освободить заключенных. Судейкин на другой же день, будучи с визитом у гетмана литовского Сапеги, просил его освободить православных, которых унияты держат на цепях, и не поступать вопреки мирным договорам. Сапега сейчас же при резиденте отправил двоих иезуитов к униятам, чтоб освободили заключенных. Под Ригою мальборский хорунжий говорил Судейкину: «Получил я письмо из Львова от ваших греко-российской веры людей: пишут с плачем, что Шумлянский во Львове и во всей своей епархии многие церкви обратил, также и самих их принуждает к униии, и для устрашения коронный гетман Яблоновский дал ему отряд вооруженных людей. Но в привилегии королевской, данной Шумлянскому, не написано, чтоб неволивать в униию и церкви обращаться, и гетману Яблоновскому помогать ему в этом без воли Речи Посполитой не годилось. Донесите об этом королю, и я по королевскому указу к гетману и к Шумлянскому отпишу, чтоб они так не делали». Судейкин, донося об этом царю, прибавляет: «По-видимому, все похлебствуют, а истины отнюдь нет, и желают конечно, чтоб у них в Польше и Литве наше благочестие иссякло». По требованию резидента король послал к гетману и Шумлянскому листы с подкреплением, чтоб не волили никого в униию.

Королевские листы ненадолго доставили спокойствие галицким православным. В феврале 1701 года к резиденту в Варшаве начали приходиться львовские братчики с великим плачем, что Шумлянский соборную и другие церкви гвалтом отобрал и принуждает их насильно в униию. Резидент выхлопотал им у Августа новый лист, за королевскою рукою, но канцлер великий коронный, бискуп пре-

мышльский, номинат бискупства Краковского не захотел запечатать листа короною печатью. «Не могу приложить печать, — говорил он резиденту, — потому что я номинат бискупства Краковского и со дня на день ожидаю благословения от папы и если запечатаю этот лист, а Шумлянский даст знать папе, то папа не пришлет мне благословения».

Палей писал Мазепе в марте 1701 года: в неделю Мытаря и Фарисея во Львове служил обедню Шумлянский в соборном римском костеле, а в неделю Блудного сына служил обедню в церкви градской ксенз архиепископ с певчими без органов; проповедь сказывал священник благовещенский после евангелия на русском языке, а другую иезуит Голимовский после обедни на польском языке. Принудили всех мастеров русских крест целовать и подписываться на унию; русским благочестивым попам насильства другого не делают, только Климента, папу римского, на эктениях поминать велят.

Положение, в котором находилось русское правительство в начале 1701 года, не позволяло ему делать сильных представлений польскому правительству. В Биржах не было речи о притеснениях, которые терпят православные. В это время Судейкин был отозван с резидентства, и посланником в Польшу отправился в феврале 1701 года стольник Василий Постников, но в апреле поехал в Варшаву для нужнейших дел инкогнито ближний стольник и генерал-адъютант князь Григорий Долгорукий: Постникову приказано «быть послушным Долгорукому и в настоящем тамошнем поведении согласным и приводить государевы дела ко всякой прибыли, тайно и явно с осторожностью и прилежным радением, писать о делах к великому государю вместе и особо каждую неделю». Но Долгорукий скоро написал Головину: «Постников мне чинится ни мало не послушен, и говорить мне ему ни о чем невозможно, а я чаю, что станет меня скоро лаять; не извольте гневаться, я ему говорить ни о чем не буду». Постников был отозван. Долгорукий остался один на своем трудном посту. Главная забота русского посла состояла в том, чтобы швед как можно глубже завяз в Польше и забыл о России, а между тем Долгорукий видел, что король Август тайком старается заключить мир с Карлом XII.

У Долгорукого, впрочем, были сильные союзники: во-первых, сам Карл XII, не хотевший мириться с Августом, стремившийся во что бы то ни стало свергнуть его с престола, во-вторых, страшное беззастенчивое, господствовавшее в Литве и Польше. В Литве шла ожесточенная борьба между двумя могущественными вельможами — Огинским и Сапегою. Сапега, и прежде нерасположенный к королю Августу, а теперь побежденный Огинским, обратился к шведскому королю с просьбою о помощи. В Польше также явилась партия недовольных королем Августом; в челе ее стоял архиепископ гнезенский, кардинал-примас королевства Михаил Радзеевский, красивый, знатного происхождения, богатый, ученый, красноречивый прелат, но при этом не имевший ни чести, ни совести. Он одобрял нападение Августа на Ливонию, служил благодарственный молебен за взятие Динамюнде, но, когда Август потерпел неудачу, Радзеевский вместе с другими панами переменял свой взгляд и начал толковать, что король своевольно, без согласия республики начал войну и потому поляки не должны в нее мешаться. В этом смысле завел он переписку с Карлом XII. Шведский король отвечал ему, что единственное средство для поляков избежать войны — это свергнуть с престола Августа. Паны толковали, что Польша не должна вмешиваться в войну, начатую

ее королем, а между тем Карл XII, не обращая никакого внимания на это различие между королем и королевством, расположился с своим войском в Курляндии, бывшей польским леном, и шведы вторглись в Литву для подания помощи Сапеге.

Карл знал, что может распоряжаться в польских владениях как ему угодно — сопротивления не будет. В октябре 1701 года Долгорукий писал: «Как у его королевского величества, также и в скарбу Речи Посполитой великую скудость в деньгах имеют: однако ж у его королевского величества польским дамам, своим метрессам и на опары (оперы) и комедии довольные расходы деньгам, за что и ныне подстолиной Любомирской дано 20 тысяч, на опары опаристам 30000 ефимков, а всех належит выдать одним опаристам на зиму 100000 ефимков; многие офицеры и солдаты за многие годы заплаты не имеют и за своими тяжкими долгами в иные государства выехать не могут. Воистину с великим трудом ныне отправляются дела его царского величества, потому что министр, которому вручены (Бейхлинг), держит факцию неприятельскую и никакого добра к стороне царского величества не желает, ни на кумплененте себя приятно показать не хочет и ныне которых я призвал инженеров и офицеров явно от службы его царского величества отбивает, а хотя из Варшавы выслан шведский посол, однако и ныне много есть резидентов шведских, которые служат при дворе королевском, также есть и в генералах». В декабре те же жалобы: «Дай боже, чтоб шведы с поляками союзу не учинили, потому что кардинал (Радзеевский) и другие сильные персоны за шведские деньги факцию и ныне держат; также и в самой высокой персоне крепости немного».

В высокой персоне крепости было действительно немного; высокая персона больше всего желала заключения мира с шведами, но Карл XII не хотел мириться. В мае 1702 года польские послы при Карле дали знать в Варшаву, что шведский король обещает дать им аудиенцию в Гродне, а резолюцию на их посольство хочет дать под Варшавою в Праге. Сенаторы испугались и начали пожитки свои отсылать за границу; король также собрался выехать из Варшавы в Краков, велел следовать за собою и Долгорукому, который писал Головину: «Вельми опасаются, что многие сенаторы к покою гораздо склонны, чтоб неприятель каким-нибудь лукавством не учинил нам противного союза. А королевское величество великую скудость имеет в деньгах; на непотребные расходы имеет довольство, а на самое дело мало что имеет; зело его королевскому величеству деньги потребны для склонения к себе Речи Посполитой и на заплату войску».

Карл XII беспрепятственно вступил в Варшаву 11 мая с конным отрядом в 500 человек, а перед ним пришли сапегинцы, перемешанные со шведами. «И ныне, — доносил Долгорукий, — берут в Варшаве деньги и провиант, а польские послы до сих пор не могли добиться конференции у шведского короля. Несмотря на то, иные поляки от нерассуждения своего желают покою; бог знает какие безрассудные люди! Не хотят смотреть на пользу своего государства, каждый смотрит собственной прибыли, и если которого неприятель не возьмет за лоб, то без великой неволи боронит не только свое государство, но и себя не хотят. Истинно, хотя с ними алианс учинен будет, а продолжение войны их быть не чаю. Хотя от великого неприятельского принуждения войну начнут, но ежели от наступления неприятеля за помощью его царского величества могут освободиться, то, чаю, скоро войну свою пресекут. Также и высокая персона без охоты, за

великим неприятельским принуждением войну начнет, а чтоб продолжительно вести, того не чаю, понеже его величество из той войны впредь себе не чае прибыли. Зело надлежит нам помогать как возможно ныне полякам, не мешкая, дабы неприятель не принудил их на нас с собою, понеже посол французский имеет при себе многие деньги, в Варшаве королю шведскому вельми помогает и склоняет к нему поляков, от чего боже упаси!»

В июле Карл поразил войска Августа под Клишовом, где с шведской стороны был убит зять короля, герцог Фридрих Голштейн-Готторпский. После этой победы шведы заняли Краков. Долгорукый доносил: «Бог знает, как может стоять Польская республика: вся от неприятеля и от междоусобной войны разорена вконец, и, кроме факций себе на зло, иного делать ничего на пользу не хотят. Только б как ни есть их удерживать от стороны неприятельской, а нам вспоможения от них я никакого не чаю для такого им от неприятеля разорения: не токмо все государство разорил, из костелов в Кракове мощи выметал, раки и ковчеги серебряные все побрал, гробы разорил, в замке дом королевский выжег и не токмо купецких и градских людей, но и законников из кляшторов тяжкими поборами выгнал, и больше того полякам разорения и ругания делать невозможно. Однако ни на что не глядят, все сенаторы ищут собственной прибыли. Какое вспоможение себе имеют всегда от его царского величества, прежде сего в турецкой войне, и ныне, однако все то ни за что вменияют, а не так озлоблены на неприятеля, как давнюю злобу имеют к нашему народу, только делать явно за скудостию и несогласием не смеют. Хотя они на коней сесть, только еще у них стремени нет, не по чему взлезть. Как bestия без разуму ходят, не знают, что над ними будет. Против неприятеля контры чинить не смогут и короля отступить не хотят, только с обеих сторон имеют от войск великое разорение, от шведов и от саксонцев. Извольте войском промысл чинить в Лифлянтах, как вас бог наставит, а себя больше иметь в надеянии божии. Истинно, как на поляков, так и на саксонские войска гораздо надеяться невозможно: в обоих народах великий непорядок и скудость; не токмо в поляках и в саксонских войсках многие офицеры исполнены шведскою факциею и не так верны королевскому величеству, как себе имеют шведского короля за патрона; также и солдаты против неприятеля сердца потеряли, за что его королевское величество баталию дать с неприятелем не хочет, всегда будет убегать как возможно».

К великому неполадку в обоих народах присоединилось козацкое восстание на Украине. Коронный гетман Яблоновский поставил над козаками польской Украйны наказным гетманом Самуся, который жил в Виннице. Потом, когда заключен был с турками мир, то польское правительство запретило Самусю называться не только гетманом, но и полковником, велено было распустить всех козаков, которым указаны для жительства разные места, а самому Самусю велено жить в Богуславле, где он сделан *осадником* с правом начальствовать над всеми людьми, которых он перезовет на поселение, *осадит*. Но когда Самусь *осадил* значительное число людей в Богуславле, то обозный коронный Яблоновский, сын покойного гетмана, прислал от себя туда на старство поляка и жидов для сбора таможенных и других пошлин, а у Самуся приказал отобрать войсковые клейноты — булаву, бунчук, печать и пять пушек. Самусь перебил присланных старосту-поляка и жидов, после чего пошел с своими людьми в Корсунь, убил тамошнего губернатора, всех польских драгун и жидов, сделал то же самое в